

что мог, чтобы избежать этой неприязни, но если ты продолжаешь считать меня человеком вероломным и совсем не тем, что я на самом деле, – клянусь тебе, я стану таким, каким ты меня хочешь видеть, и не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь от твоей жены того, в чем ты меня заподозрил. И теперь бойся меня и знай, что если подозрения погубили твои чувства ко мне, то обида погубит мои к тебе.

И как его товарищ ни старался убедить его, что это не так, он уже ничему не поверил и, поделив с ним мебель и вещи, которые были у них общими, вывез свою часть из дома. И из преданных друзей они превратились в заклятых врагов, а тот из них, который не был женат, не успокоился до тех пор, пока действительно не наставил своему другу рога.

– Вот так, благородные дамы, случается со всеми теми, кто понапрасну подозревает своих жен. Ибо многие из них заставляют женщин быть такими, какими они их себе представляют, ведь порядочную женщину легче победить отчаянием, чем всеми удовольствиями, какие есть на свете. И тот, кто говорит, что подозрение – это та же любовь, ошибается, ибо, хоть оно и рождается из любви, как зола из огня, оно, подобно золе же, тушит этот огонь.

– Мне кажется, что самое большое несчастье для человека – это быть заподозренным в том, в чем он неповинен. И что до меня, так я чаще всего порываю с друзьями именно из-за таких подозрений, – сказал Иркиан.

– Но можно ли оправдать женщину, которая, чтобы отомстить своему мужу, покрывает себя позором? – воскликнула Уазиль. – Она поступает, как тот, кто, не будучи в силах убить врага, убивает себя самого ударом шпаги или кто, не сумев его исцарапать, кусает себе потом пальцы. Лучше бы она вовсе перестала с ним разговаривать: муж бы тогда увидел, что напрасно ее подозревает, а время излечило бы их обоих.

– Она действительно оказалась достаточно смелой, – сказала Эннасюита, – и если бы примеру ее последовали другие, то и мужья их не были бы такими наглецами, какими они иногда бывают.

– Что бы там ни было, терпение дает возможность женщине одержать победу, – сказала Лонгарина, – женское целомудрие достойно всяческой похвалы. И на этом нам надо остановиться.

– И все-таки женщина может не соблюсти целомудрия и при этом не согрешить, – сказала Эннасюита.

– А как это может быть? – спросила Уазиль.

– Это бывает тогда, когда она принимает кого-нибудь другого за мужа.

– Что же это за дурочка, – сказала Парламента, – что она не может отличить своего мужа от другого мужчины, как бы тот ни переодевался и ни изменял своей наружностью?

– И тем не менее, – сказала Эннасюита, – встречаются иногда и такие; их просто обманывают, сами они ни в чем не повинны и не совершили никакого греха.

– Если вы знаете такую женщину, – сказал Дагусен, – я передаю вам слово, чтобы вы нам о ней рассказали; мне трудно поверить, чтобы невинность и грех могли ужиться вместе.

– Послушайте, – сказала Эннасюита, – если предыдущие рассказы еще недостаточно убедили вас, что не следует поселять у себя в доме того, кто нас называет мирскими людьми, а себя почитает праведником и человеком более достойным, чем мы, – послушайте, что я вам сейчас расскажу. Я приведу вам еще один пример, для того чтобы так же, как сама я узнавала рассказы об ошибках, которые влечет за собой доверие к этим людям, теперь и вы узнали кое-что от меня и убедились, что они не только подвержены таким же страстям, как все прочие, но что коварства в них больше, нежели в других, и что в них даже есть нечто от дьявола.

Новелла сорок восьмая

На постоялом дворе, где остановились два приезжих монаха, справляли свадьбу. Старший из монахов, который был похитрее другого, заметив, что молодая скрылась, последовал за нею в спальню и занял место ее мужа, в то время как тот развлекался, танцуя с гостями.

В одной из деревень Перигора на постоялом дворе была свадьба местной девушки, и родные